

ления были вполне сознательны: по убеждению Карамзина, писатель-беллетрист в отличие от историка сохраняет за собой право на вымысел. Однако вымысел нужен здесь автору не для того, чтобы «украсить, позолотить, улучшить историю, а для того, чтобы заострить ситуацию и характеры, придать истории эстетическую яркость, картинность, впечатляемость.⁴⁰ К этому следует добавить еще одно соображение: разграничивая подлинную историю Марфы и миф о ней, Карамзин стремится сохранить в мифе главное: дух эпохи, проявляющийся в героическом характере защитницы вольного Новгорода.

И Наталья, и Марфа — идеализированные образы, но принципы идеализации существенно различаются. Наталья — стереотип героини сентиментальной повести, который может существовать вне времени и пространства. Марфа — образ, воплощающий черты русского национального характера. О примерах такого рода и говорил Карамзин в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» (1802), статье, справедливо названной «манифестом» писателя, определяющим его общественно-литературную позицию в начале XIX в.⁴¹ Представление о героическом характере русского народа, сложившееся у писателя в результате его знакомства с отечественной историей, служит основой для создания образа, как бы заранее заданного.

Вместе с тем область авторской фантазии теперь значительно сужается: исторический материал служит рамкой, за пределы которой выходить уже нельзя. Этому принципу подчиняется и категория времени; становятся невозможны хронологические скачки, допускавшиеся в ранних повестях.

Автор гораздо глубже вошел в «дух эпохи» и научился передавать его, не прибегая к прямым сопоставлениям с тем, что происходит «ныне». Обращает на себя внимание, во-первых, характер авторских примечаний к тексту повести: они представляют собой деловые ссылки на исторические источники или пояснения тех слов и понятий, которые могли быть неясны читателю начала XIX в. Вмешательство авторского голоса в повествование, непосредственные обращения к «любезному читателю» — все эти приемы, типичные для ранних повестей Карамзина, теперь решительно отвергаются. В предисловии писатель даже подчеркивает свою якобы посредническую роль: он только «издатель сей повести», написанной неким «старинным автором», «одним из знатных новгородцев». Вмешательство «издателя», по

как один из источников повестей Карамзина. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 216—217.

⁴⁰ Карлова Т. С. Эстетический смысл истории в творческом восприятии Карамзина. — В кн.: XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969, с. 287.

⁴¹ Макоголенко Г. П. Литературная позиция Карамзина в XIX веке, с. 91—92.